

Феномен смеха: загадка, новость, аффект

Бардинова С. С.,
студентка 4-го курса ФГБОУ ВО «ГАУГН»,
философский факультет, г. Москва,
elgoose@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются имеющиеся теории смеха на основе их конвенционально принятой классификации. Выявляются их содержательные пересечения, особенно значимые у А. Ф. Лосева и Л. В. Карасева. Это приводит к выводу о том, что эмоций и смыслов, выражаемых смехом, может быть сколь угодно, столько же может быть и гипотез о том, на что указывает смех. Данный вывод привлек наше внимание к существенным качествам смеха вне зависимости от его объектов, форм и целей — к виртуальности и новости. В связи с этими понятиями рассматриваются теории М. Бахтина, М. Т. Рюминой, Ж. Делёза. Особое внимание уделено концепции смеха Ж.-Л. Нанси, которая, не исключая идей ранее перечисленных авторов, а также Ж. Деррида и М. Хайдеггера, своеобразна тем, что представила смех как присутствие, автономное событие или аффект, способный выражаться в тексте и речи.

Ключевые слова: смех, трансгрессия, аффект, виртуальность, речь, Ж.-Л. Нанси, М. Бахтин, М. Т. Рюмина, Ж. Делёз.

Пересборка смеха: деление и составление загадки

Смех — одно из явлений или умений, которыми наполнена жизнь человека до способности к рефлексии. Таких способностей очень мало: когда мы спрашиваем себя, что умеет грудной младенец, кроме как есть, пить, испражняться и спать, на ум приходят прежде всего крик и плач, а сразу за ними — улыбка и смех. Смех настолько человеку свойственен, что детский смех мы не отличаем от взрослого, когда заражаемся им с той же интенсивностью. Детские плач и крик для нас непонятны, мы не можем им сочувствовать, они — другие. Это сигналы для беспокойства, призывы к действию (покорми, помой, вылечи). А смех, один большой, в то же время бесконечно разнообразный, сопровождает нас на протяжении всей жизни: смех указывает на самые различные состояния человека. Этот мышечный спазм, сокращение диафрагмы, голос без слов, без слогов и букв, но и не крик — пусть все увидят в нем загадку.

О загадочности смеха свидетельствует редко пополняемый список литературы, ему посвященной. Если не брать в расчет культурологические и антропологические исследования (мы не имеем цели умалить значения оных, среди них — замечательные работы В. Проппа, А. Г. Козинцева), целью которых является скорее «кодификация» видов, случаев явления, философия редко позволяет себе подступить к вопросу «Что такое смех сам по себе?». Среди «опорных пунктов» проблематики: А. Бергсон «Смех», М. Бахтин «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (и статья-комментарий С. С. Аверинцева «Бахтин, смех, христианская культура»), Л. В. Карасев,

М. Т. Рюмина «Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность». Так же важны и психоаналитические работы: З. Фрейд «Остроумие и его отношение к бессознательному», «Юмор». Список работ со смешным названием невелик, однако о смехе говорили и такие великие умы, как Аристотель, Гоббс, Кант, Гегель, Шопенгауэр, Ницше... Говорили не очень много, но достаточно, чтобы стало возможным произвести различие теорий смеха. Вспомогательной литературой являются смежные по теме работы (в зависимости от того, как мы смех определяем, конечно), в нашем случае — касающиеся аффектов, настроений, виртуальностей, языковых игр, где смех может хоть и не обсуждаться, но подразумеваться между строк, а также неспециальная литература — художественная или религиозная, забывать о которой было бы совершенно несправедливо, ведь о смехе она вспоминает намного чаще.

Ответ на вопрос «Что такое смех?» всегда состоит из разделения на части, в большинстве случаев — по вопросу смешного, т. е. того, что смешит. Смех — это реакция или выражение, а кроме того, еще явление, умение и способность. «Смех — реакция человека на юмор, щекотку или нервное напряжение»¹ — читаем мы в первом попавшемся указателе. Никакой однозначности, определение уже троится: здесь распознавание смысла и абсурда, в то же время — телесный аффект и сброс напряжения, инструмент психической безопасности. Более того, смех — это нечто социальное, то, что делают, словно трапезу: «находясь в одиночестве, люди могут оценивать какие-то стимулы как весьма смешные, но при этом не смеяться»². Это в некотором роде уже сбивает с ног.

Вернемся к теме множественности теорий смеха. Статья «Пролегомены к понятию “смех”»³ полностью соответствует своему названию, по-учебному вводит в проблематику, построенную из небольших по объему (но важных по содержанию) высказываний ряда философов. Среди выделенных групп теорий*:

1. Теории превосходства. Согласно им, смех — это реакция на ошибку, безобразие или ничтожность, при этом ничтожным нечто может предстать в результате внезапного возвышения субъекта над чем-либо/кем-либо. Данной позиции придерживались Аристотель («Это [смешное] нечто безобразное и уродливое, но без страдания»⁴), Р. Декарт («Когда благо и зло представляются нам относящимися к другим людям, мы считаем их заслуживающими или не заслуживающими этого»⁵), Т. Гоббс (...«[смех] вызывается у людей или каким-нибудь их собственным неожиданным действием, которое им понравилось, или восприятием какого-либо недостатка или уродства у другого»⁶), Ф. Ницше и даже ранее упомянутая М. Т. Рюмина. Смех как знак превосходства над безобразным или попросту низким — древнейшая трактовка, отсылающая нас к тому, что мы называем гомерическим

¹ Смех // Википедия: свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Смех> (дата обращения: 20.11.2023).

² Там же.

³ Финиковый компот. 2013. Вып. 3. URL: <https://docs.google.com/file/d/0BxJLdE76duB7ZDU3eU5fOE1PajA/edit?resourcekey=0-r3Cisf9wMuXDCat5GeXCYQ> (дата обращения: 20.11.2023).

* Трудно сказать, кем была впервые проведена такая типологизация, она как бы конвенционально признана и встречается во множестве источников без ссылки, иногда с различными добавлениями. Ссылка на «Компот», таким образом, одна из множества возможных. — Прим. авт.

⁴ Аристотель. Поэтика // Аристотель. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. С. 1071.

⁵ Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 509.

⁶ Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 43–44.

смехом, — к божественному хохоту, раскатывающемуся с высоты Олимпа, о котором, очень к слову, в том же «Финиковом компоте» написал Д. Бугай: «Asbestos gelos — такова реакция блаженных богов на уродство, недостаток, дефект. Блаженное и счастливое существо, высшее выражение нормы, не может реагировать иначе, встречаясь с искажением и пороком. Оно показывает себе и всем, что оно — выше, что оно — превосходно, что оно сильнее и лучше. Смех здесь социален и иерархичен, он — реакция на искажение нормы телесной, он устанавливает отношение высшего к низшему, доброго в античном смысле (agathos) — к негодному (kakos)»⁷. Конечно, писал первым делом Лосев, но так, что к нему будет повод обратиться позже.

2. Теории несоответствия полагают наличие субстанции Смешного, которой соответствует некоторое противоречие, будь то результат сочетания несочетаемого в некоторой ситуации, или нелепость-диссонанс, непосредственно содержащаяся в некотором предмете. Прежде всего, здесь мы находим имя Ф. Хатчесона, который написал отдельное эссе с критикой позиции Т. Гоббса: он указал на множество случаев, в которых превосходство не вызывает смеха («Если мы наблюдаем за объектом, испытывающим боль, в то время как сами находимся в спокойном состоянии, мы скорее рискуем заплакать, чем засмеяться»⁸). Описываются также случаи смешных метафор или фокусов, которые не имеют отношения к превосходству), чем «завел шарманку» группы теорий, к которой примкнули далее И. Кант («Смех — это аффект, возникающий из внезапного превращения напряженного ожидания в ничто»⁹), Г. В. Ф. Гегель («Смешон может быть всякий контраст существенного и его явления, цели и средств, противоречие, благодаря которому явление снимает себя в самом себе, а цель в своей реализации упускает себя»¹⁰), А. Шопенгауэр («Смех каждый раз возникает единственно из внезапного сознания несовпадения понятия с реальными объектами, кои в каком-либо отношении под ним подразумевались, и сам он — именно и есть выражение такого несовпадения»¹¹), и наконец, А. Бергсон, впервые посвятивший смеху целую книгу («...смешным является машинальная косность там, где хотелось бы видеть предупредительную ловкость и живую гибкость человека»¹²).

3. Теории освобождения. Данная группа руководствуется физиологическим представлением о смехе как об инструменте сброса избыточного нервного и даже мышечного напряжения, т. е., можно сказать, как части иммунной системы, только еще и в психологическом плане. Группа представлена Э. Шефтсбери и Г. Спенсером. Последний разграничил органические и психологические причины смеха, чем еще не раз занялись философы (например, М. Т. Рюмина схожим образом разделила смех на психофизиологический и культурный).

4. Психоаналитическая теория. Отчасти совпадает с теорией освобождения. Представлена З. Фрейдом и его продолжателями. Ключевые работы — «Остроумие и его отношение к бессознательному» и «Юмор». Фрейд довольно подробно описывает виды,

⁷ Финиковый компот. 2013. Вып. 3. С. 10.

⁸ Hutcheson F. Reflections Upon Laughter, and Remarks Upon the Fable of the Bees. Glasgow: R. Urie, 1750. P. 11. (Перев. с английского мой. — С. Б.)

⁹ Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 5. М.: ЧОРО, 1994. С. 174.

¹⁰ Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 3. М.: Искусство, 1971. С. 579.

¹¹ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / Перев. с нем. А. Фета. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1881. С. 69.

¹² Бергсон А. Смех / Перев. с фр. И. Гольденберг. М.: Искусство, 1992. URL: http://krotov.info/library/02_b/er/gson_sneh.htm (дата обращения: 20.11.2023).

механизмы острот и их практическое значение: например, с чего бы здравомыслящему человеку обращаться к черному юмору, зачем нам обидно шутить над самими собой и почему мужские сальности не смешны женщинам (ответы на эти и подобные вопросы будут наполнены размышлениями о психосексуальности, тем не менее, важно, что Фрейд обращает пристальное внимание на тонкости языковых игр, влияние не только содержания, но и формы шутки на ее смехотворность). Для нас особенно интересны две выделенные им функции, которые выполняет смех: легитимация общественных запретов, т. е. освобождение от притворства, борьба с подавлением, и получение виртуального удовольствия от того, что в действительности приносит субъекту страдание: «К облегчению уже существующей и экономии предстоящей психической затраты — к этим двум принципам сводится, таким образом, вся техника остроумия и вместе с тем все удовольствие, проистекающее от этих технических приемов»¹³. В «Остроумии...» Фрейд говорит о подавленных мыслях, внезапно прорывающихся в юмористической форме. «Юмор» же, повествуя о торжестве принципа удовольствия над принципом реальности, содержит ярчайшую иллюстрацию: «...преступник, ведомый в понедельник на виселицу, заявляет: “Ну, вроде эта неделя начинается хорошо”...»¹⁴. Она сообщает нам о том, что существуют ситуации, которые в целях психической безопасности только и остаются, что воспроизвести как шутку.

5. Естественнаучные теории. Сторонники этих теорий предпочитают считать, что юмор и смех — биологически полезные явления, результат длительного эволюционного развития человека (и других видов: большинство представителей этой группы склонны считать, что животным свойственен если не смех, то его аналог или зарождающаяся форма), своеобразная игра. Смех здесь — или защитный механизм, или сигнал расположенности к сородичам, инструмент социализации. Самые интересные варианты «расшифровки» смеха — обозначение собственной ошибки (М. Хёрли, Д. Деннет, Р. Адамс) и сигнал к тому, что происходящее или произошедшее — часть игры, «понарошку», а не взаправду. Например, смех необходим для отличия дружеской, шуточной драки от настоящего боя. Родоначальник направления — Д. М. Истмен.

6. Наконец, самая интересная часть этой типологии — Метафизическая теория. По скромному признанию составителей выпуска «Компота», ее сформулировал редактор журнала на одном из собраний «Философского кафе», и звучит она так: «Реальность смешна. Каждый объект смешон, если понимать под этим способность показаться субъекту таковым. То есть качество “быть смешным” неотторжимо от объекта, если только он может быть воспринят. <...> любой объект может быть смешным, и будет ли он воспринят в таком качестве, зависит от субъекта, который обладает способностью прочувствовать комичность»¹⁵. Поздно полемизировать с автором последней теории о его правах на такое звание, однако самое время сказать, сколь плотно представленные теории переплетаются между собой (или даже повторяются, не оповещая об этом своих составителей).

Попробуем взглянуть на перечисленные теории комплексно, как на одну большую загадку, связать все в цепь. Для этого мы, как и обещали ранее, прежде всего обратимся

¹³ Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному / Перев. с нем. Р. Додельцева. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 129.

¹⁴ Фрейд З. Малое собрание сочинений / Перев. с нем. Р. Додельцева, О. Медем, Я. Когана. СПб.: Азбука-Аттикус, 2014. С. 598.

¹⁵ Финиковый компот. 2013. Вып. 3. С. 3.

к А. Ф. Лосеву. Он дал общее место Гомеру и Аристотелю, хохоту олимпийских богов из «Илиады» и теории комического и трагического: «В античном язычестве духовное начало вовсе не так далеко от телесного; оно есть только известное обобщение этого последнего. Поэтому гибель телесной личности и вообще всего телесного здесь вовсе не так уж трагична. Вот возникла гроза, которая принесла огромный вред посевам и, может быть, убила много людей, что, несомненно, трагично. <...> Если мы теперь спросим, трагична ли эта гроза или юмористична, то древний человек просто нас не понял бы. Это — и то и другое вместе. Для античного сознания понимать смерть трагически, наивно, юмористически, иронически и сатирически есть одно и то же»¹⁶. Вокруг утерянной второй части «Поэтики» Аристотеля, предположительно посвященной комедии, строилось множество загадок и теорий. Лосев исследовал, разгадывал параллелизм трагедии и комедии, и пришел к блестящему заключению: точка встречи этих двух — катарсис, как перенасыщение аффектами и последующее освобождение от них (здесь — прямая связь с теориями освобождения и психоанализом, при учете того, что Аристотелем катарсис понимался как эстетически, так и физиологически). Катарсис — возвышение, отдаление, влекущее за собой атараксию в качестве взгляда-субъективности; глядя вниз с высоты не-своего полета, человек может и проникнуться высоким состраданием, и разразиться высоким смехом, не приносящим страданий ни ему, ни объекту смеха.

Всегда ли смеховой катарсис влечет за собой вышеописанное возвышение — проблемный вопрос, в особенности в контексте христианства, поскольку здесь он мгновенно перетекает в «смеялся ли Христос?» (или даже шире, возможен ли божественный смех, смех сына и Отца?*). Рассуждения на эту тему приобрели широкую известность в свете выхода романа У. Эко «Имя розы». В книге ответ на него варьируется от «нет, никогда» до «вряд ли», и не случайно — с тех пор, как Иоанн Златоуст в своем комментарии к Евангелию от Матфея посоветовал воздерживаться от неумеренного смеха и намекнул, что Иисуса смеющимся не видел никто, никто из богословов его таким и не представлял. Иисус только радовался и улыбался. Однако у С. С. Аверинцева есть прибавление: «В точке абсолютной свободы смех невозможен, ибо излишен. Иное дело — юмор. Если смеховой экстаз соответствует освобождению, юмор соответствует суверенному пользованию свободой»¹⁷. Суверенное пользование свободой отсылает нас уже не к возвышению и превосходству, а к выявлению ошибок и их подаче в смешной, метафорической форме. Такого же мнения придерживаются многие современные священники, и их размышления на этот счет можно свободно найти на тематических интернет-форумах. «Удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие»¹⁸, — пошутил, например, однажды Иисус о богатых. Таким образом, юмор как искусство выставляется в лучшем свете, нежели чем смех, который — страсть, что представляется нам странным и даже несколько

¹⁶ Лосев А. Ф. Гомер. Ч. 2. Художественное мастерство Гомера. URL: <http://annales.info/greece/losev/homer02.htm> (дата обращения: 20.11.2023).

* Когда Господь возвестил о том, что старикам Аврааму и Сарре подарит сына Ицхака (др.-евр. «будет смеяться»), Сарра рассмеялась, но так испугалась признаться в этом Богу, что соврала ему. На что он, как будто бы с улыбкой, сказал: «Нет, ты рассмеялась». В этом библейском эпизоде смеются все: и Авраам, и Сарра, и еще не родившийся Исаак смеется своим именем; кажется, что не хватает только смеха божественного. Это ощущение нехватки — вполне себе повод для сомнения. — Прим авт.

¹⁷ Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ / Под ред. Л. А. Гоготишвили, П. С. Гуревича. М.: Наука, 1992. С. 7–19.

¹⁸ Евангелие от Матфея 19:24.

проблемным. Мы не имеем смелости вести богословские споры о жизни Христа, данное рассуждение — лишь подводка к следующим вопросам: почему смех имеет негативную коннотацию, возможно ли отделить юмор от смеха, бывает ли «хороший» смех без экстаза?

У Л. В. Карасева есть то, что может удовлетворить наше любопытство. Смех напрямую связан со злом — и ядро этой связи лежит в гримасе, которую корчит лицо смеющегося. Радость, гнев и страдание встречаются в этом абсолютном выражении лица, где каждый нерв задействован. «Пара грех и смех “прозрачна” для христианства, устанавливающего меж ее членами твердое равенство и называющего и то и другое злом. Смех плоти — глупый смех, он низок и равен плоти»¹⁹. Вот и ответ, почему Иисусу не «позволяют» смеяться богословы. Возможно, это решение было бы не таким однозначным, если бы во внимание была принята «Философия смеха», в которой Карасев отделяет этот глупый смех плоти, перелившееся через край чувство витальности, хохот азарта и силы, от смеха ума, причина которого — зло, побежденное (не обязательно активно, в результате борьбы и осмеяния, а как бы одним только знанием, что это — зло, и ему есть путь в благо), расколдованное, прощенное: «...победительная и одновременно великодушная позиция смеющегося: он отвечает злу смехом, иначе, благом, его ответ — не плач и не удар, а улыбка»²⁰. Сущностно второй смех может принадлежать и великому мудрецу, и той обезьяне из естественнонаучной теории, которая сыграла в «понарошку», но это лишь оттенки одного градиента. Вероятно, сам этот градиент и смущает: дескать, как можно в один ряд поставить смех милостиво-божественный, интеллигентно-человеческий, дикарский и даже животный. Как нам видится, можно, как и плач, по той именно причине, что это — ряд, а не точка.

Примечательно, что в «максимальной» гримасе у Карасева встречаются противоположные человеческие чувства так же, как в катарсисе — у Лосева/Аристотеля (разность составляет гнев, который ни в трагическое, ни в комедийное не вместился бы полноценно, но вполне мог бы по частям). Разве не научил нас Кузанец, что там, где совпадение противоположностей — там еще единство и бесконечность (здесь — оттенков смеха и страдания)? Многоликость этих двух во всех аспектах поражает: и в том, что могут выражать смех/плач, и в том, что может заставить ими разразиться. Мы уже увидели смех как превосходство (возвышение/понижение), узнавание ошибки, реакцию на несоответствие (еще — мотивация к улучшению), разрядку, замещение страдания, сигнал к игре, космический хохот божества, ритуальное действие, выражение витальности, расколдовывание зла; и понимаем, что это абстрагированный список, составленный из кратких пересказов самого существенного из различных источников, уточнять и пополнять который можно еще долго (М. Т. Рюмина различает, например, смех-оберег, смех-порог, насмешку, смех как признак жизни и т. д.).

Таким образом, в этой ситуации представляется адекватным утверждать, что никакая классификация «смехов» не будет полной, поскольку типы из разных теорий и концепций, поставленные в один ряд, на самом деле друг другу не противоречат, а во многом даже пересекаются или совпадают. Это нас отсылает к «метафизической теории», согласно которой, при некотором усилии, или даже без него, любое явление или конфигурация смыслов может предстать смешной, т. е. аффектироваться смехом.

¹⁹ Карасев Л. В. Философия смеха. М.: РГГУ, 1996. С. 43

²⁰ Там же. С. 33.

Виртуальность и новость

Примечательно, что в номере «Финикового компота», помимо шести вышеупомянутых пунктов, есть еще и седьмой, по-видимому, шуточный — «Хайдеггерианская теория», содержание которого уместилось в одной строчке: «Хайдеггерианской теории смеха нет» (что фактически верно, но не обязательно должно исключать это имя из нашего рассуждения). Действительно, Хайдеггер вопросами смеха не занимался, однако же сам факт его упоминания, чем бы он ни был — данью уважения, намеком или юмором, ставит в уничижительное положение теории и их авторов, забытых самым несправедливым образом, среди которых, первым делом, — М. Бахтин и смех-карнавал, смех-трансгрессия, затем М. Т. Рюмина и смех-виртуальность, Ж.-Л. Нанси и смех-присутствие. Кроме того, содержание пункта «метафизическая теория» определенным образом напоминает нам о вышеперечисленных авторах, но также незаслуженно о них умалчивает.

Пожалуй, самое известное исследование смеха (по крайней мере, для советского/российского читателя) — работа М. Бахтина о творчестве Франсуа Рабле. Его концепция «загипнотизировала» академическую среду не на один десяток лет. Подробнейший анализ «механизма» романтического и народного гротеска, значения смеха и праздника, «Гаргантюа и Пантагрюэля» — все это складывается в полноценную теорию. Существенна та часть его рассуждения, в которой главенствует понятие амбивалентности. Смех, карнавал — это особое смысловое пространство, второй мир, в котором меняются местами верх и низ, опасное и безопасное, настоящее в нем для нас вдруг становится чуждым, серьезное сменяется на гротескное: «...гротеск — в том числе и романтический — раскрывает возможность совсем другого миропорядка»²¹, «смех имеет глубокое мирозерцательное значение, это одна из существеннейших форм правды о мире в его целом, об истории, о человеке...»²². Это игра в другой мир, противостоящий миру серьезности, но не менее важный. Двойность мира, на первый взгляд рискующая «расщепить» субъект, оказывается условием его полноты, диалогической смены противоположных состояний, в которой — социологический и глубоко экзистенциальный миф о человеке смеющемся. Амбивалентность смеха позволяет ему одновременно выказывать самую настоящую радость и ликование, вместе с тем высмеивая и опуская; смех и утверждает, и отрицает (в этом — загадка и разгадка описанной в прошлой главе многоликости смеха: смех невозможно разглядеть и схватить, поскольку он — виртуальный, но целый, ничем не менее истинный мир (событие мира), который можно только угадать и ощутить в его полноте). Несмотря на то что работа Бахтина, по его собственному признанию, есть «исторически ограниченный материал», в котором рассуждение о смехе контекстуально относится к Средневековью и Ренессансу, и несмотря на то что смех современный, полностью «негативный», Бахтиным был строго отделен от карнавального, мы все же говорим о мифологичности его теории. Больше нет карнавалов, бранные слова потеряли свой настоящий смысл, официальная культура разрешила себе смеяться; однако смех — в самом

²¹ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. С. 68.

²² Там же. С. 91.

своим чистым виде, — нещадно заражающий потерявшие ориентиры толпы людей, все так же переворачивает мир с ног на голову, опьяняя трезвого и протрезвляя пьяного (С. С. Аверинцев).

Смех есть момент перехода из одного логического пространства в другое. Известно, что М. Бахтин никогда не использовал понятие трансгрессии для обозначения этого перехода в своей работе, однако его смеховая теория с завидной частотой связывается именно с ним (в том смысле, в каком им пользуется Ж. Батай)²³. По сути, трансгрессия близка к тому, что мы разумели под катарсисом ранее: нам видится позволительным допустить, что катартическое возвышение — условие уникального трансгрессивного опыта. Преодоление невиданного предела, неопишное пороговое состояние, близкое безумию или экстазу, вполне достижимо посредством смеха, который захватывает человека, словно вирус. Здесь важно: трансгрессия — вспышка, взрыв, нечто всегда-новое, возникающее из ниоткуда и в никуда исчезающее, удар иррациональности, одномоментное созидание и разрушение.

Смех создает мир «понарошку», мир, который ничуть не меньше мира реального. Об этом свидетельствуют другие авторы, работы и понятия. М. Т. Рюмина пишет о смехе в контексте виртуальности. Смысл виртуальной реальности (virtual reality) раскрывается Рюминой посредством анализа однокоренных слов «virtuosity», «virus» и «virulent» как опасного, отравляющего ум магического искусства. Виртуальная реальность есть второй мир, маргинальный и хаотичный (т. е. работающий по совершенно иным законам) в своем основании. Смех, рассмотренный в качестве виртуальной реальности, оказывается игровым пространством, в котором размываются категории добра и зла и прочие бинарные оппозиции. «Исходная точка для виртуальной реальности — не объективная реальность, а сознание воспринимающего ее человека. В виртуальности совершенно буквально, чувственно-осознано и иронично воплотилось cogito Декарта»²⁴ — место, которое связывает естественнонаучную «понарошку» с «метафизической теорией». Заливаясь смехом, субъект устанавливает новые «правила игры» конструированием и конституированием виртуальной реальности, которая смешна. В такой реальности любой объект или смысл потенциально смешон, и единственным условием актуализации такого его качества является внимание аффектированного смехом субъекта. Таким образом, то, что было названо «метафизической теорией», — тема куда более широкая и глубокая. Причисляя М. Т. Рюмину к «гоббсианцам», а также опуская небольшое уточнение, мы можем упустить возможность показать интереснейшее переплетение точек зрения.

В разной форме говорится об одном и том же: о «новости» смеха и об особом логическом пространстве смешного. В «Логике смысла» Ж. Делёза немало сказано об обоих аспектах. Производя различие иронии и юмора, Делёз называет глубину и многослойность смыслов свойствами первой, а смысловую плоскость — второго. При этом различаются несколько видов иронии: сократическая, классическая и романтическая, и у них разные механизмы «работы»: первая является подачей несоответствия, вторая иронизирует над индивидом, оказавшимся заложником этого несоответствия, а третья предполагает

²³ Фаритов В. Т. Трансгрессия как метод и онтологическая модель мироздания в наследии М. М. Бахтина // Диагностика современности: глобальные вызовы — индивидуальные ответы: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. Ю. А. Разинов. Самара: СГА, 2018. С. 65–73.

²⁴ Рюмина М. Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность / 3-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 126

самоиронию личности. «Общим для всех этих фигур иронии является то, что они замыкают сингулярность в пределах индивидуального и личного. Ирония только внешне принимает на себя роль бродяги» — строчки, не делающие комплимента ирониям, поскольку Делёза больше привлекают хаос, возможность обезличивания и децентрализации, чем оказывается юмор. Юмор представляется соотношением смысла и нонсенса (бессмыслицы, которая содержащимся в ней отсутствием смысла являет или производит избыток смысла), плоскостью всех возможных форм смешного, сравнимого с бесконечным прилавком смыслов-продуктов, на котором мы выбираем, что покупать (или продукты сами выбирают нас, попадаясь под руку); смешное — всегда-новое — является здесь «чистым событием». В области юмора уже невозможно определить, что вызывает смех — возвышение ли, несоответствие ли, освобождение ли... Скольжение по смысловой поверхности юмора скорее предполагает самовоспроизводство смеха: я овладеваю событием смехотворности, «как серфингист овладевает волной»²⁵, но также и волна подхватывает меня и движет мною, поскольку я держусь на доске.

Принимая во внимание все вышеописанное, мы предлагаем определить две черты смеха значимыми, основательными: не-схватываемость и за-хватывание. Не-схватываемость как спонтанность и неопикуемость, невозпроизводимость, событийность; за-хватывание как аффектация субъекта, обезличивание, невозможность сознательно приостановить действие смеха, «сойти с волны» юмора, покинуть виртуальную реальность и т. д. В том или ином виде оба момента упоминаются у многих из рассмотренных нами авторов, однако нам представляется, что наиболее глубоко и наглядно они были описаны в небольшом эссе Ж.-Л. Нанси «Смех, присутствие», некогда переведенном на русский в журнале «Комментарии».

Данная работа представляет из себя развернутое прочтение «Желания изобразить» Бодлера, стихотворения о невиданной женщине, ее смеющемся рте и невозможности охватить ее взглядом и словом. Прочитывается оно следующим образом: прекрасное невозможно изобразить, представить, поэтому непредставимость прекрасного — продукт любого из искусств. Прекрасное в искусствах есть презентация этой непредставимости, способ прекрасного быть — отсутствующее присутствие (явление себя в невозможности быть и быть выраженным). Тем не менее, работа была начата со слов о смехе, и именно тайне смеха, пусть и в таком специфическом, на первый взгляд, контексте, уделено больше всего внимания. Смех был объяснен через Прекрасное и даже назван его презентацией. Нельзя сказать, что Нанси строит собственную «смеховую теорию», этот текст (написанный языком скорее поэтико-эзотерическим, чем научным или даже философским) важен иными качествами: постановкой наивно-существенных вопросов, описыванием круга около «неопикуемой» проблематики: «Возможно ли находиться в присутствии смеха? Обладает ли смех присутствием? То есть: сам смех, а не смеющийся, не объект его смеха»²⁶, «Существует ли эстетика смеха (которая не была бы никакой из эстетик комического, ибо ясно, что мы здесь прочли не комедию — по меньшей мере не только ее)? <...> Или же смех, вопреки всему, до или по ту сторону любой «эстетики»?»²⁷. Автор в центр своего внимания ставит ту

²⁵ Пилюгина Е. В. Природа феномена «событие» в призме концепции Жюль Делёза // *Studia Humanitatis*. 2014. № 4. URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/pilyugina_1.pdf (дата обращения: 20.11.2023).

²⁶ Нанси Ж.-Л. Смех, присутствие / Перев. с фр. А. Скидана // *Комментарии*. 1997. № 11. С. 194–214. URL: <http://kassandrion.narod.ru/commentary/11/14nancy.htm> (дата обращения: 20.11.2023).

²⁷ Там же.

нетеоретизируемую часть вопроса о смехе, которая кроется в самом его существе, единственно возможным способом говорить о котором является то, что мы называем «кружением». Нанси пытается донести: как бы мы ни старались, мы не сможем ответить лаконично, «по делу»; в пространстве этого рассуждения истина о смехе эзотерична, она — в духе романтизма — совпадает с прекрасным, и «Прекрасное» здесь многократно пишется с заглавной буквы не случайно. Нанси заморожен тайной смеха, смех для него — загадочное прекрасное, облеченное в человеческий голос, пронизывающее все, смеющееся над всем, оставленное на полях философии и эстетики, не вписывающееся в категории и теории. Таким образом, за-хватывание и не-схватываемость здесь раскрываются как буквально зачарованность и непредставимость, вслед за прекрасным.

Смех в статье — это «взрыв», «тон», «наслаждение», «озарение», «знание» и, наконец, «истина». Раскат смеха происходит на границах чувств и языка, смыслов. «Этот смех — это знание — не насмешка перед лицом трагедии смерти и искусства. Это взгляд, сосредоточенный на самой трагедии, в ее трагической истине: а именно, что бессмертие приходит только со смертью и как сама смерть. Смех есть знание этой истины. Но он не знает ее как содержание знания. Это смеясь он познает се, смеясь, смех есть эта истина. <...> Взрыв смеха раскрывает, что структура его истины должна быть сокрыта»²⁸. Смех здесь оказывается выставленной напоказ тайной, он — не насмешка над незнающим, а сам — выражение некоего знания. Он, таким образом, не возвышает, а есть *высокое*. О нем бесполезно говорить — он сам нечто *высказывает*.

Существуют загадки без ответа, как, например, кэрролловская «Что общего у вороны и письменного стола?»: Л. Кэрролл не думал об ответе, когда ее сочинял, — он оставил пробел, произвел нонсенс. Потом, уже по многочисленным просьбам читателей, все же его нашел: «flat notes» (фальшивые ноты/плоские записки — игра слов), тем временем ответов было придумано множество, среди которых и остроумные («По писал на обоих» — отсылка к «Ворону» Эдгара Алана), и более простые, коими может ответить любой (например, «перья» или «ножки»). Ответом может стать что угодно, но наиболее правильным будет самый изящный. Так и с загадкой смеха: можно сказать, никакие теории нас до конца не удовлетворяют, поскольку они недостаточно изящны, и тем самым неубедительны, неистинны. В этом аспекте статья Нанси читается совсем по-хайдеггериански: сущность смеха одновременно от нас сокрыта, одновременно лежит на поверхности — в не-схватывании, не-всматривании в него. Ответом на вопрос о смехе может быть только сам смех, то есть событие смеха; *ereignis* смеха, являющий собой истину-*aletheia* о себе и мире. Нанси говорит: Бодлер не смог изобразить той невиданной женщины и ее хохота, и, как результат, текст рассмеялся, заражая и нас. Заслуга Нанси в том, что только признание в беспомощности перед нерепрезентируемым может закрыть (оставив открытой) проблему, уже имеющую множество друг друга дополняющих, но не до конца, решений.

Таким образом, можно говорить об особой общности представлений о смехе, выдвигающих на первый план два существенных качества — новость и виртуальность (трансгрессивность и двоение мира, плоскость смыслов и событийность), к которой можно отнести таких авторов, как М. Бахтин, М. Т. Рюмина, Ж. Делёз (мы делаем смелое допущение, позволяя себе сюда его отнести, несмотря на то, что проблемой смеха он не

²⁸ Нанси Ж.-Л. Смех, присутствие / Перев. с фр. А. Скидана // Комментарии. 1997. № 11. С. 194–214. URL: <http://kassandrion.narod.ru/commentary/11/14nancy.htm> (дата обращения: 20.11.2023).

занимался) и, наконец, Ж.-Л. Нанси. У последнего, помимо общих мест с другими перечисленными авторами, присутствует также более глубокое рассмотрение смеха в качестве загадки или автономного выражения смысла, что, на удивление авторам статьи из «Компота», отсылает нас к философии М. Хайдеггера.

Смех как аффект текста и речи

Итак, смех в «Желании изобразить» представим только постольку, поскольку данное стихотворение само смеется. Мы распознаем присутствие смеха во время прочтения и заражаемся им, как если бы перед нами был не текст стихотворения, а другой человек, которому очень смешно. При этом в тексте не имеется ни звукописи, ни, как в пьесах, курсивных утверждений действия, ни любых других указаний, кроме «смеха крупного рта» в конце описания женщины. Мы считаем, что в данном конкретном и подобных им случаях уместно сказать, что текст аффектирован смехом.

Присутствие смеха — асинтаксическое явление (то, что Гуссерль назвал бы невыразительным, не имеющим значения), которое мы находим «между строк», угадывая то, что является тоном, настроением или даже желанием автора. Само слово «присутствие» здесь отсылает нас, в первую очередь, к старшему товарищу Нанси — Ж. Деррида (проблематика презентации/репрезентации прямо указывает на его доброе имя), а во-вторую, все еще к М. Хайдеггеру. Концептуальные отношения всех троих авторов сложно оценить однозначно, так же, как и сложно определить, о каком регистре языка в данном конкретном случае мы рассуждаем вместе с Нанси — о письме или о речи. То, что у Деррида является главной темой «Голоса и феномена»²⁹, где голос — место встречи идеального языка и всегда событийного звука (который в мире, но полностью мой), чувственной формы фонемы и выразительной интенции субъекта, у Хайдеггера в «Бытии и времени» представлено в отдельном параграфе³⁰, поскольку он рассматривал присутствие разнообразно, раскладывая на экзистенциалы: это способ человека быть, быть вовлеченным в мир, вопрошающим о бытии, осознающим свою конечность; важно здесь то, что присутствие не соотносится с телом, оно больше и дольше человека, и им можно делиться, например, в настроении или в актах творения, коим является «Желание изобразить».

«Языковой индекс принадлежащего к речи оповещения о расположенном бытии-в лежит в тоне, модуляции, в темпе речи, в “манере говорить”. Сообщение экзистенциальных возможностей расположения, т. е. размыкание экзистенции, может стать своей целью “поэтической” речи»³¹. Ни Хайдеггер, ни Деррида надолго не задерживались на асинтаксических формах выражения, хотя в понимании речи обоих они подразумеваются. Первый, однако, заведомо легитимизирует их статус вышеприведенным замечанием и дальнейшим развитием темы поэзиса и речения как живого потока слов, в то время как второй скорее занимается объяснением отчужденности мысли от речи, живого потока от смыслов, знаков от живого потока. Поэтому нам представляется разумным (или, скорее, изящным) понимать присутствие смеха в речи/тексте более как высказанный Dasein, как

²⁹ Деррида Ж. Голос и феномен / Перев. С. Г. Кашиной, Н. В. Сулова. СПб.: Издательство «Алетейя», 1999. 208 с.

³⁰ Хайдеггер М. Бытие и время / Перев. с нем. В. В. Бибихина / 5-е издание. М.: Академический проект, 2015. С. 160–166.

³¹ Там же. С. 162.

посредника между его желанием выражения как собственного бытия и мироощущения и нашим пониманием-*Verstehen*. Другими, не хайдеггеровскими, словами, речью/поэтическим текстом нам может сообщаться тот виртуальный мир, в который попал автор, став заложником его двоения (в результате смеха).

Это лишь попытка расшифровать мысль Нанси, причем окольным путем, но немаловажная: если «стихотворение смеется» или загадывает загадку, то его автор был захвачен соответствующим настроением. Однако нельзя сказать, чтобы Бодлер смеялся или сохранял тайну: он лишь определенным образом был направлен-на смех и на тайну. Настроение важно для понимания присутствия, и во многих случаях они даже взаимозаменяемы, но это — не тот случай. Он много запутанней, в том числе благодаря концептуальным различиям множества «феноменологий», предшествовавших Нанси. Поэтому для обозначения смеха в речи или тексте мы обратимся к еще одному понятию — интенсивности, или аффекту.

Понятие интенсивности восходит к Жилью Делёзу (оно определяется им как трансцендентальный принцип, источник изменений в пассивных синтезах, в чувственности, воображении и мышлении, выражающий степень воздействия среды на субъекта; это продолжение спинозистской теории аффекта, поэтому понятия интенсивности и аффекта допустимо отождествлять). Вся «Критика и клиника», фрагментарная, почти афористичная — о возможных способах изменить язык, преимущественно в литературном смысле: «...писатель, как говорит Пруст, изобретает в языке новый язык — язык своего рода иностранный. Обнаруживает новые грамматические или синтаксические силы. Вытаскивает язык из привычной колеи, заставляет его бредить. Но проблема письма неотделима и от проблемы видеть и слушать: в самом деле, когда в языке создается другой язык, весь язык устремляется к “асинтаксическому”, “аграмматическому” пределу, или сообщается с собственной внеположностью»³². Язык писателя, таким образом, позволяет ему оживлять текст и делать самые разнообразные вещи не от лица автора, от лица самого языка. Текст запинаясь, путаясь, сам с собой дерется и ссорится, сам себя уничтожает, вздыхает, набухает и расширяется, кружится. В некоторых случаях это намеренное косноязычие, синтаксическая неполадка или особая пунктуация, в некоторых — языковая игра и то, что мы называем средствами образности, однако никогда нет формулы, сообщающей, как добиваться этой работы от языка. Это творческое напряжение, в основе которого всегда — желание высказать на словах то, что *нельзя*. Интенсивность или аффект — не есть *Stimmung* или эмоция, он рождается в доязыковом и дознаковом поле и не-индивидуализирован, не-семантизирован. Тогда как эмоция — это психологическая категория, хоть и «тонкой настройки», аффект — всегда чистое событие выражения, становление, пребывание между актуальным и виртуальным.

Понятие аффекта наиболее полно раскрывается в статье последовательного делезианца Б. Массуми «Автономия аффекта». Продолжение мысли здесь даже более оптимистичное и широкое: «Выражение-событие — это система невыразимого»³³; «Осмысление образа в его отношении с языком будет незавершенным, если оно оперирует только на семантическом или семиотическом уровне. <...> Теория культуры может

³² Делёз Ж. Критика и клиника / Перев. с фр. О. Е. Волчек, С. Л. Фокина. СПб.: Machina, 2002. С. 6.

³³ Массуми Б. Автономия аффекта / Перев. с англ. Г. Г. Коломиец // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 3. С. 114.

существенно выиграть, если в ней откроется измерение интенсивности»³⁴. Массуми делает акцент на рассмотрении аффекта в качестве возможного к коллективному восприятию. «Аффект — это виртуальное как точка зрения, <...> синэстетическая сущность»³⁵. В конце статьи приводится иллюстрация аффективной речи: Рональд Рейган, зачитывающий свою речь перед больными когнитивной дисфункцией двух типов. Одни не воспринимают слова, но распознают интонации, жесты и прочие невербальные сигналы; другие — распознают только слова, но не все остальное. Никто из слушателей не был впечатлен речью: его посчитали и безграмотным грамматически, и рассеянным в подборе слов, и безвыразительным: язык его тела был назван «инертным». «Единственный возможный вывод заключается в том, что Рейган был успешным лидером не вопреки, а благодаря этой двойной дисфункции. <...> Его средства были аффективными. <...> Рейган политизировал власть мима»³⁶. Аффект оказывается реальным средством передачи информации неречевым способом, который, однако, кроется в речи. Это и не интонация, и не жесты, и не синтаксис, но все вместе.

Смех, рассмотренный в качестве такого аффекта, преобразующий речь и письмо смеющегося вместе с его миром в целом, есть момент перехода и перевода языка в другой режим. Плоскость юмора, о которой мы говорили ранее, как и текст, смеющийся над тайной бытия, — это аффектированные смехом выражения. Юмор бывает асинтаксическим, например юмор, по большей части состоящий из жестов, акцентных восклицаний («Ну!», «Э-эх!»), бессмыслиц и т. д. Можно было бы сказать, что это просто коллективное безумие, но, поскольку люди его распознают и разделяют, успешно воспроизводят, справедливо сказать, что это некоторого рода семантические отношения. Смехом заражаются; смешит все, что дает понять, что говорящий сдерживает смех. Недорассказанный анекдот может быть смешнее законченного, если причина его прерывания — преждевременный смех говорящего. Смех может найти себе место и на официальных мероприятиях: когда речь одного из докладчиков оказывается случайно наполненной смехом (как насмешкой над собственным трудом, смехом-загадкой и т. п.), все мероприятие рискует оказаться регламентированным карнавалом. На стендап-шоу не важно, оригинальны шутки или совершенно глупы и неуместны: если зрители уже долго смеются, если выступающий сам по себе, как и Рейган, — искусный мим, а не просто сочинитель.

Таким образом, рассмотрение смеха в качестве аффекта в делезианском смысле связывает юмор со смехом-загадкой, виртуальность и плоскость — с измерением языка, присутствие — с выражением. Связь между смехом и речью сколь очевидна, столь же и неопределенна, и сам факт ее усмотрения и рассмотрения — определенный шаг в развитии проблемного поля знания о смехе. Это важное звено в цепочке наших рассуждений о том, как возможен смех текста, как возможно выражение смысла самим актом рассмеяния, который, казалось бы, не может ничего выразить. В конце концов, мы на шаг ближе к вопросу о бытии смеха благодаря тому, что Ж.-Л. Нанси ввел смех в поле языка и речи своей миниатюрной, изящной статьей.

³⁴ Массуми Б. Автономия аффекта / Перев. с англ. Г. Г. Коломиец // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 3. С. 114.

³⁵ Там же. С. 122.

³⁶ Там же. С. 127.

Литература

1. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин как философ / Под ред. Л. А. Гоготишвили, П. С. Гуревича. М.: Наука, 1992. С. 7–19.
2. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. С. 1064–1112.
3. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. 634 с.
4. Бергсон А. Смех / Перев. с фр. И. Гольденберг. М.: Искусство, 1992. 127 с. URL: http://krotov.info/library/02_b/er/gson_sneh.htm (дата обращения: 20.11.2023).
5. Гегель Г. В. Ф. Эстетика: в 4 т. Т. 3. М.: Искусство, 1971. 623 с.
6. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с.
7. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 654 с.
8. Делёз Ж. Критика и клиника / Перев. с фр. О. Е. Волчек, С. Л. Фокина. СПб.: Machina, 2002. 240 с.
9. Делёз Ж. Логика Смысла / Перев. с фр. Я. И. Свирского. М.: Академический проект, 2011. 472 с.
10. Деррида Ж. Голос и феномен / Перев. С. Г. Кашиной, Н. В. Сулова. СПб.: Издательство «Алетейя», 1999. 208 с.
11. Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 5. М.: ЧОРО, 1994. 414 с.
12. Карасев Л. В. Философия смеха. М.: РГГУ, 1996. 224 с.
13. Лосев А. Ф. Гомер. Ч. 2. Художественное мастерство Гомера. URL: <http://annales.info/greece/losev/homer02.htm> (дата обращения: 20.11.2023).
14. Массуми Б. Автономия аффекта / Перев. с англ. Г. Г. Коломиец // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 3. С. 110–133.
15. Нанси Ж.-Л. Смех, присутствие / Перев. с фр. А. Скидана // Комментарии. 1997. № 11. С. 194–214. URL: <http://kassandrion.narod.ru/commentary/11/14nancy.htm> (дата обращения: 20.11.2023).
16. Пилюгина Е. В. Природа феномена «событие» в призме концепции Жюль Делёза // Studia Humanitatis. 2014. № 4. URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/pilyugina_1.pdf (дата обращения: 20.11.2023).
17. Рюмина М. Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность / 3-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 320 с.
18. Смех // Википедия: свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Смех> (дата обращения: 20.11.2023).
19. Фаритов В. Т. Трансгрессия как метод и онтологическая модель мироздания в наследии М. М. Бахтина // Диагностика современности: глобальные вызовы — индивидуальные ответы: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. Ю. А. Разинов. Самара: СГА, 2018. С. 65–73.
20. Финиковый компот. 2013. Вып. 3. URL: <https://docs.google.com/file/d/0BxJLdE76duB7ZDU3eU5fOE1PajA/edit?resourcekey=0-r3Cisf9wMuXDCat5GeXCYQ> (дата обращения: 20.11.2023).

21. Фрейд З. Малое собрание сочинений / Перев. с нем. Р. Додельцева, О. Медем, Я. Когана. СПб.: Азбука-Аттикус, 2014. 608 с.
22. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному / Перев. с нем. Р. Додельцева. СПб.: Азбука-классика, 2006. 283 с.
23. Хайдеггер М. Бытие и время / Перев. с нем. В. В. Бибикина / 5-е издание. М.: Академический проект, 2015. 460 с.
24. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / Перев. с нем. А. Фета. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1881. 490 с.
25. Hutcheson F. Reflections Upon Laughter, and Remarks Upon the Fable of the Bees. Glasgow: R. Urie, 1750. 82 p.

References

1. Aristotle. “Poetika” [Poetics], in: Aristotle, *Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Policy. Rhetoric. Poetics. Categories]. Minsk: Literatura, 1998, pp. 1064–1112. (In Russian.)
2. Averintsev S. “Bakhtin, smekh, khristianskaya kul'tura” [Bakhtin, laughter, Christian culture], *M. M. Bakhtin kak filosof* [M. M. Bakhtin as a philosopher], ed. by L. A. Gogotishvili, P. S. Gurevich. Moscow: Nauka, 1992, pp. 7–19. (In Russian.)
3. Bakhtin M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Rennansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. St. Petersburg: Azbuka-Attikus, 2021. 634 p. (In Russian.)
4. Bergson H. *Smekh* [Le Rire]. Moscow: Iskusstvo, 1992. 127 p. (In Russian.)
5. Deleuze G. *Kritika i klinika* [Critique et clinique]. St. Petersburg: Machina, 2002. 240 p. (In Russian.)
6. Deleuze G. *Logika Smysla* [Logique du sens]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2011. 472 p. (In Russian.)
7. Derrida J. *Golos i fenomen* [La voix et le phénomène]. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 1999. 208 p. (In Russian.)
8. Descartes R. *Sochineniya: in 2 vol.* [Works: in 2 volumes], Vol. 1. Moscow: Mysl', 1989. 654 p. (In Russian.)
9. Faritov V. “Transgressiya kak metod i ontologicheskaya model' mirozdaniya v nasledii M. M. Bakhtina” [Transgression as a method and ontological model of the universe in the heritage of M. M. Bakhtin], *Diagnostika sovremennosti: global'nye vyzovy — individual'nye otvety: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Diagnostics of our time: global challenges — individual answers: collection of materials of the All-Russian scientific conference with international participation], ed. by Yu. A. Razinov. Samara: SGA, 2018, pp. 65–73. (In Russian.)
10. *Finikovyi kompot* [Date compote], 2013, no. 3, 2013. URL: <https://docs.google.com/file/d/0BxJLdE76duB7ZDU3eU5fOE1PajA/edit?resourcekey=0-r3Cisf9wMuXDCat5GeXCYQ>, accessed on 20.11.2023]. (In Russian.)
11. Freud S. *Maloe sobranie sochinenii* [Small collected works]. St. Petersburg: Azbuka-Attikus, 2014. 608 p. (In Russian.)

12. Freud S. *Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu* [Wit and its relation to the unconscious]. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2006. 283 p. (In Russian.)
13. Hegel G. W. F. *Estetika: v 4 t.* [Aesthetics: in 4 volumes], Vol. 3. Moscow: Iskusstvo, 1971. 623 p. (In Russian.)
14. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Sein und Zeit], 5-th ed. Moscow: Aka-demicheskii proekt, 2015. 460 p. (In Russian.)
15. Hobbes T. *Sochineniya: in 2 vol.* [Works: in 2 volumes], Vol. 2. Moscow: Mysl', 1991. 731 p. (In Russian.)
16. Hutcheson F. *Reflections Upon Laughter, and Remarks Upon the Fable of the Bees.* Glasgow: R. Urie, 1750. 82 p.
17. Kant I. *Sochineniya: in 8 vol.* [Works: in 8 volumes], Vol. 5. Moscow: ChORO, 1994. 414 p. (In Russian.)
18. Karasev L. *Filosofiya smekha* [Philosophy of laughter]. Moscow: RGGU, 1996. 224 p. (In Russian.)
19. Losev A. *Gomer. Ch. 2. Khudozhestvennoe masterstvo Gomera* [Homer. Part 2. Homer's artistic mastery]. URL: [<http://annales.info/greece/losev/homer02.htm>, accessed on 20.11.2023]. (In Russian.)
20. Massumi B. “Avtonomiya affekta” [Autonomy of affect], *Philosophy Journal*, 2020, Vol. 13, no. 3, pp. 110–133. (In Russian.)
21. Nancy J.-L. *Smekh, prisutstvie* [Le rire, le presence], *Kommentarii*, 1997, no. 11, pp. 194–214. URL: [<http://kassandrion.narod.ru/commentary/11/14nancy.htm>, accessed on 20.11.2023]. (In Russian.)
22. Pilyugina E. “Priroda fenomena «sobytie» v prizme kontseptsii Zhilya Deleza” [The nature of the phenomenon “event” in the prism of the concept of Gilles Deleuze], *Studia Humanitatis*, 2014, no. 4. URL: [https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/pilyugina_1.pdf, accessed on 20.11.2023]. (In Russian.)
23. Ryumina M. *Estetika smekha: Smekh kak virtual'naya real'nost'* [The Aesthetics of Laughter: Laughter as Virtual Reality], 3-rd ed. Moscow: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2010. 320 p. (In Russian.)
24. Schopenhauer A. *Mir kak volya i predstavlenie* [Die Welt als Wille und Vorstellung]. St. Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1881. 490 p. (In Russian.)
25. Smekh [Laughter], *Wikipedia*, 2023. URL: [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Cmex>, accessed on 20.11.2023]. (In Russian.)

The phenomenon of laughter: mystery, news, affect

Bardinova S. S.,

4th year student of State Academic University for Humanities,
faculty of Philosophy, Moscow,
elgoose@mail.ru

Abstract: The article reviews various theories of laughter on the basis of their conventionally accepted classification. Their substantive intersections, especially significant for A. F. Losev and L. V. Karasev, are revealed. This leads us to the conclusion that there can be as many emotions and meanings expressed by laughter as there are hypotheses about what laughter points to. This conclusion drew our attention to the essential qualities of laughter, regardless of its objects, forms, and purposes: virtuality and eventuality. The theories of M. Bakhtin, M. T. Ryumina, and G. Deleuze are considered in connection with these concepts. Specific attention is paid to the concept of laughter by J.-L. Nancy, which, while not excluding the ideas of the previously listed authors, as well as J. Derrida's and M. Heidegger's, is original in that it presents laughter as a presence, an autonomous event or affect, which is capable of being expressed in text and speech.

Keywords: laughter, transgression, affect, virtuality, speech, J.-L. Nancy, M. Bakhtin, M. T. Ryumina, G. Deleuze.